

Жизнь ныне несуразная: спешим, торопимся, нет времени остановиться, поговорить, вспомнить. А ведь есть что!.. Мы поздоровались и тут же распрощались, разве что несколько коротких «Как дела?», «Как дома?», «Успехов в тул!».

Коллега-журналист спросил: «Кто это?» На мое «Володя Ляхов» отреагировал вялым безразличием. Я пояснил: «Космонавт, полковник». Он удивился: «Вот бы не подумал: ни формы, ни золотых звезд». — «А ты полагаешь, что они форму и звезды никогда не снимают? И даже спят при всех регалиях», — съязвил, и на этом разговор закончился. Но какое-то горькое чувство долго не покидало меня: «Неужто вот так легко забывается все, что выпало на долю побывавших в зоне повышенного риска? Несправедливо это, не по-людски»...

Задним числом история, о которой хочу рассказать, вроде бы заурядная среди подобных. Но страшна своей повторяемостью. Как и другие, до сих пор хранящиеся в секретных протоколах Госкомиссии. Впрочем, и начиналась она, как и другие, тревожным сообщением экипажа с орбиты: «Сигнал не прошел!»

— Нам пора, ребята! — Ляхов посмотрел на часы. До закрытия люка оставалось чуть больше двадцати минут.

— Присядем на дорожку, — предложил Володя Титов и «прижался» к откидному столику.

Пару минут помолчали. Потом обнялись, и двое «поплыли» к люку. В 23.45 крышка закрылась. Не спеша одели скафандры, устроились поудобнее в креслах, начали тестовые проверки. Время не торопило, переговоры с Центром управления почти не велись, поскольку орбитальный комплекс был вне «зоны». Бортовые часы показывали 2.52, когда «пружины» оттолкнули корабль от станции. «Мир» и «Союз» медленно расходились. Станция как бы растворялась в ночи, уменьшаясь в размерах и чуть покачиваясь. А может быть, это просто казалось, и «гулял» сам корабль, много уступающий «Миру» по массе.

Говорят, дорога домой всегда короче. На станцию они шли двое суток, теперь же до Земли оставались часы. В 3.31 включилась программа спуска, и автоматика взяла на себя выполнение всех операций в той строгой последовательности, которая заложена в память бортовой ЭВМ. Ровно через четыре минуты сработали пиропатроны и «отстрелили» бытовой отсек. Это означало, что обратного пути на станцию нет, ибо корабль лишился стыковочного узла. Но кто думает о возвращении и о том, что система жизнеобеспечения будет «кормить» их кислородом лишь трое суток. К тому же и поисково-спасательная группа, наверно, уже прибыла в район посадки. Ляхов мысленно представлял, как ИКВ (инфракрасный построитель вертикали) ориентирует корабль по крену и тангажу, как ионный датчик определяет параметры рыскания, и когда все это будет «по нулям», пройдет сигнал на включение тормозного двигателя.

Беду, как известно, не ждешь. Она приходит сама. На границе входа в тень Земли появились сбои в работе ИКВ. Впрочем, это не вызвало настороженности. На корабле таких приборов два — для надежности. Ох, уж эта надежность! Второй тоже не сработал. «Нет ориентации», — первая оценка ситуации. И она подтвердилась: двигатель не включился. Ляхов смотрел на секундную стрелку и ждал. Время застыло в мучительном «почему?». Ответ не приходил, и он выругался.

В своей растянутости секунды казались невыносимыми. И то была особая невыносимость. Но вот двигатель заработал. Теперь уже было не до «почему». Ляхов считал другие секунды. Считал глазами, а в голове прикидывал возможные последствия задержки: «Если он отработает свои 213 секунд, их унесет на тысячу километров, куда-нибудь в Китай. Если же...» Двигатель продолжал работать, и это путало все расчеты. Командир ручным выключателем прервал его работу.

«Союз ТМ-5» не сошел с орбиты. Ляхов доложил о происшедшем в ЦУП. Короткая заминка, и с Земли передали: «Посадка переносится на третий суточный виток». И по-

Из досье космических катастроф

В зоне риска

сле недолгого анализа — дополнение: «Ребята, ориентацию повторите на первой половине витка. Сигнал должен быть устойчивым...»

— Должен, — повторил про себя Ляхов и посмотрел на часы.

В таких случаях новые данные необходимо заложить в память ЭВМ и держать независимо от работы ИКВ. Так и сделали. Но и повторное включение двигателя не обошлось без сюрпризов: он проработал три секунды. Всего три! Это, считай, ничего. Командир попытался «поправить» автоматику и сам включил двигатель. Тот заработал. И снова отсчет секунд: пять, десять, двадцать, тридцать... На 39-й секунде ЭВМ выключила ТДУ.

Ситуация усложнилась. Корабль продолжал оставаться на орбите. Кончилась зона радиовидимости. Ляхов понял: «Машина потеряла голову». Стал соображать сам: «Ждать, когда ЦУП снова выйдет на связь и что-то подскажет? Нет, каждый лишний виток уносит их от расчетного района посадки...» Еще одно самостоятельное включение, но результат тот же. Это озадачило не на шутку: «Чертовщина какая-то. Что теперь делать?» Центр управления не скрывал тревоги, но и не драматизировал ситуацию: «Разберемся. Посадка переносится на сутки».

Ляхов поймал испуганный взгляд Ахада. Только теперь он вспомнил, что на борту афганец. «Что-то случилось, командир?» В ответ: «Когда очередной сеанс связи, посмотри по журналу», — сказал, чтобы уйти от ненужных разговоров. Ляхов мучительно соображал, чего еще ждать? Ладно, если сбой в автоматике, но ведь он, проклятый, не слушается и ручных команд. Ум и сердце напряглись. Страх? Нет — тревога. Липкая, навязчивая: что же происходит? «Нужно отшагать какой-то путь назад и проиграть каждую операцию», — заставил себя повторить все по секунду. А мысли убежали куда-то в сторону: то к ребятам, которые остались на «Мире», то в ЦУП, где сейчас тоже путаются в вариантах.

«Ладно, обойдется!» — постарался успокоить себя и бросил взгляд на глобус: «Где мы сейчас?» Он уже насмотрелся на Землю со стороны и сейчас по медленно поворачивающемуся «шарику» представлял то неожиданное, что вдруг открывалось с орбиты.

Наверно, то были самые длинные сутки в жизни Владимира Ляхова. ЦУП взял на себя анализ происходящего и выбор возможных решений. Экипажу приказали отдышаться...

Это был его третий космический полет. В 1979 году он отработал на орбите 175 суток на пару с Валерием Рюминым. Тогда это был рекорд. В 1983-м к 175 прибавилось еще 150 суток, с бортинженером Сашей Александровым. «Салют-6», «Салют-7», «Мир», три модификации «Союзов»: обычный, с индексом «Т», и вот теперь — «ТМ». Ляхов знал корабль и любил его, при каждой подготовке к старту старался узнать больше, ибо это был тот самый принцип, который он усвоил еще в авиационном училище и летно-испытательном центре. Да и опыт товарищей подсказывал: главное — знания и

звать, что такие вопросы решаются вместе, но сдержался.

Затянувшееся странничество вокруг Земли напоминало бег по кругу, а кругам этим, казалось, не было числа. Память вернула в прошлое, так созвучное с настоящим. Первая его нештатная ситуация — это когда пришлось заклеивать на орбите скафандр для выхода в открытый космос. На Земле — операция в общем-то пустяковая. Но в космосе все сложнее. И все-таки сделали, и давление скафандра держал. Вторая — нервотрепка с радиотелескопом, который никак не «отцеплялся» от станции. Большая металлическая конструкция грозила проткнуть скафандры, когда ее перекусывали плоскогубцами и отталкивали ногами. А установка солнечных батарей, ремонт аппаратуры!.. Нынешняя как бы подводила черту под всей его космической жизнью. Нет, угромого и панического — «больше мне не летать» — не было. Он льстил себя надеждой, что его опыт ободрит молодых, которые, как и он в свое время, не знают еще, что они могут. Он знал и верил, что человек может гораздо больше, чем он предполагает, не надо только поворачивать спину к ветру.

В ЦУПе продолжали ломать голову, как «перехитрить» злосчастную ЭВМ. Тягуче и томительно тянулось время. Наконец «Заря» включилась и предупредила: «Еще одно включение в 4.00. Точнее — 4.00.54». Наступила пауза. Что означало это «еще одно»? Последнее? Ожидание — всегда урок преодоления. И себя, и ситуации. «Хватило бы рабочего тела» — эта мысль была мимолетной и спокойной. Вторая тоже не пробудила нервозности, хотя и большой надежды тоже: «Есть двигатели коррекции и ориентации. Слабенькие по тяге, но если их заставить работать долго, то может что-то получиться...»

Часы показывали 4.00. «Целая вечность», — подумал, но сказал совсем другое: «Ахад, поправь привязные ремни».

В 4.00.54 двигатель включился. Начался отсчет секунд напряжения: 10...20...50...90... Потом доклад в ЦУП:

— На связи «Протон-1», все прошло нормально. 186 секунд...

Вскоре и с плавучего измерительного комплекса пришло подтверждение: «Двигатель отработал полный импульс. Лишь на две секунды меньше».

Упрямый корабль устремился к Земле. В 4.24 произошло отделение спускаемого аппарата, потом сработала парашютная система, потом... Легкий толчок вернул его к мысли: «Дома! Вот оно, твоё счастье». Но в эфир ушло совсем другое: «Прибыли, лежим на боку!»

В самолете, который вез их в Москву, толковали о злополучной ЭВМ, о не тех «установках», о путанице команд. Ему эти разговоры были не по душе. Все уже позади, а что, почему и как — лучше оставить на потом.

Кто-то сказал: «Счастливики». Пожалуй. Впрочем, счастье — понятие недопонятое. Одни понимают его так, другие — иначе. Сейчас еще острее перед каждым встает «старый» вопрос: на что ты способен, человек, что сеешь — добрые зерна или плевелы? Жизнь заставляет нас делать выбор между смелостью и трусостью, совестью и стяжательским отношением к профессии. И мгновения этого нравственного выбора, особенно в зоне повышенного риска, не проходят бесследно. Полковнику Ляхову согревало душу, что для себя он мог сказать: «А тебя, Вовка, не сломал космос. Если скажут: надо, полетишь еще раз».

Михаил РЕБРОВ,
«Красная звезда».

